

В. О. Шпаковский

кандидат исторических наук, доцент
кафедра коммуникационного менеджмента
Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В ЭПОХУ БРОНЗЫ
(НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ
БОРОДИНСКОГО КЛАДА)**

Аннотация. В данной статье рассматривается сходство различных археологических артефактов, принадлежащих разным культурам эпохи бронзового века на территории России, включая находки знаменитого «Бородинского клада». На основе археологических свидетельств автором делается вывод о широких межкультурных связях, распространенных в указанный период истории на значительной географической территории. При этом констатируется, что коммуникация затрагивает не только сферу товарообмена, но и касается информационного обмена между племенами, расстояние между которыми превышало многие тысячи километров. В статье автором произведен подробный анализ основных предметов бородинского клада, технология их изготовления. Проводятся параллели с аналогичными находками на всей территории Евразии, что подтверждает изначальный тезис о масштабности межкультурных контактов, в том числе и информационного технологического обмена в эпоху бронзы.

Ключевые слова: бородинский клад, культура бронзового века, вильчатые наконечники, «нефритовый путь», межкультурная коммуникация.

V. O. Shpakovsky

Candidate of historical sciences, associate professor
department of Communication Management
Penza State University, Penza, Russia

**INTERCULTURAL CONTACTS IN THE BRONZE AGE
(ON THE EXAMPLE OF THE ARCHAEOLOGICAL
ARTIFACTS OF THE BORODINO TREASURE)**

Abstract. The article discusses the similarities numerous archaeological remains of the Bronze Age in the territory of Russia, including the findings of the famous "Borodino treasure" and concludes that the extensive development of trade and information links in this period - that is the kind of "globalization" at this time. On the basis of archaeological certificates the au-

thor draws a conclusion about the broad cross-cultural communications extended during the specified history period in the considerable geographical territory. Thus it is noted that communication affects not only the sphere of barter, but also concerns information exchange between tribes the distance between which exceeded many thousands of kilometers. It is not difficult to explain how such a large distance on incoming raw materials and finished products, but how is the exchange of information and training of craftsmen complex technology work with metal - to answer this question archaeological sites are not given .

Key words: Borodinsky treasure, a bronze age culture, вильчатые tips, intercultural communication, fork tips, «jade road».

Во II тысячелетии до н. э. степные и лесостепные пространства Восточной Европы осваивались преимущественно скотоводческими племенами, использовавшими медь и бронзу для изготовления орудий труда и оружия. Между тем запасы медной руды на большей части территории Восточной Европы были весьма ограничены, что подвигало население этих районов на контакты с теми племенами, которые владели медными рудниками, занимались добычей и плавкой медных руд. Главным источником сырья для производства бронзы у большинства племен Восточной Европы стали Урал, Приуралье и Алтай. Первоначальные контакты носили эпизодический характер, имея целью меновую торговлю для приобретения готовых изделий из металла. Впоследствии скотоводы стали приобретать сырье, освоив технологию плавки металла, т.е. потребность в металле приводила к установлению контактов между различными регионами Евразии, удаленными иногда на тысячи километров друг от друга. Именно этот период можно считать основой для налаживания не только торгового, но и информационного обмена, базой межкультурного взаимодействия.

Данный вывод косвенно подтверждается похожими находками, обнаруженными в ходе археологических раскопок на территории масштабного региона: от Рейна до Индии. И российские, и британские исследователи этой темы, включая британского историка Ника Филуса, автора книги «Боевые колесницы бронзового века», указывают, что это было время повсеместного распространения боевых колесниц, начавшееся около IV тысячелетия до н. э. [9, с.3].

В качестве примера такого взаимопроникновения культур, выраженного в схожести предметов материальной культуры

можно привести состав изделий так называемого «Бородинского клада», датируемого началом второй половины II тысячелетия до н.э. Эти артефакты свидетельствуют о тесном взаимодействии и связях племен Северо-Западного Причерноморья с населением Восточной Сибири и с крито-микенской цивилизацией Балканского полуострова.

История открытия «Бородинского клада» начинается в 1912 г., когда он был обнаружен крестьянами, добывавшими камень из небольших курганообразных насыпей у села Бородино Аккерманского уезда бывшей Бессарабской губернии. По месту находки клад и получил свое название - Бородинского или Бессарабского. Находку передали одесскому археологу Э. Р. Штерну, который первый занялся ее изучением, а в 1913 г. им был сделан доклад на международном конгрессе историков в Лондоне, после чего этот клад приобрел мировую известность [8]. Его доставили в Государственный Исторический музей в Москве, и с тех пор он постоянно экспонируется на различных выставках как у нас в стране, так и за рубежом.

В состав клада, который нашли «крестьяне-археологи», входят 17 предметов, из которых одиннадцать дошли до нас в хорошем состоянии, а шесть только в виде фрагментов. Это, прежде всего, предметы вооружения: шесть каменных боевых топоров из нефрита, два серебряных и бронзовых наконечника копий и одна втулка от копья, бронзовый с золотой накладкой кинжал, массивная серебряная булава, три навершия от булав, сделанные из мыльного камня. Кроме того, в нем оказались три фрагмента каменных топоров, две бронзовые пластины, по-видимому, оковки древков и, почему-то, два фрагмента керамики [6]. Найденные предметы аналогичны ряду находок в бассейне Дуная (в Чехии и Венгрии). Формы копий типичны для Восточного Закавказья, встречаются на Северном Кавказе, а также в степных и лесостепных районах Центральной России в близком временном диапазоне.

К изделиям из металла относятся два хорошо сохранившихся наконечника копий и обломанная еще в древности втулка от третьего. Причем металлом для изготовления этих изделий служила не бронза, а серебро. Самый массивный из наконечников, изготовленный из высокопробного серебра 916 пробы, имеет длину 34,1 см, а весит 519,1 г. Второй наконечник копья был меньших размеров, весил 280,8 г. Материалом для него послужил не высококачественный металл, а низкопробное серебро 400 пробы, представляющее собой сплав серебра и меди. Данный

наконечник изучался с применением метода спектрального анализа, благодаря чему удалось установить источник поступления сырья. Это Никольское месторождение серебра в Приуралье.

Техника литья этих наконечников является еще одним косвенным свидетельством широких связей племен на территории их расселения от Дуная до Приуралья и Причерноморья. Так, бородинские копья (перо, втулка, ушки и петли) отлиты целиком в двусторонних литейных формах, аналогичные которым обнаруживаются на территории Евразии в самых различных местах [7, с.69]. Специалисты отмечают, что такая техника литья свидетельствует о высоком уровне развития мастерства древних металлургов. При этом технологическая стадия имела два этапа: основную обработку и шлифовку. Сами лезвия тщательно прокованы, что способствовало повышению их твердости, но края лезвия при этом были заточены не полностью, а лишь в верхней, ближней к острию, части пера. По-видимому, такие серебряные копья берегли и избегали неизбежной потери дорогого металла при заточке.

После отливки поверхность копий была подвергнута дополнительной обработке: мастер убрал все литейные швы, а поверхность выровнял и отшлифовал. Первоначально круглый стержень пера был откован и превращен в четко выступающее ребро, что придало копьям удивительную стройность. В целом эти изделия производят впечатление благородной простоты, но не лишены изящества формы и украшены декоративными ювелирными орнаментами. Орнамент на поверхность пера первого копья и на трех втулках был нанесен явно опытными художниками-ювелирами при помощи миниатюрных чеканов. Причем все втулки копий орнаментированы, а также инкрустированы листовым золотом 750 пробы. Интересно, что мастер сначала выбивал узоры на серебряной основе копья, после чего на орнамент накладывалась тончайшая золотая пластина. Она была настолько тонкой, что на инкрустацию всех трех втулок было затрачено чуть больше 5 граммов листового золота. Отметим, что даже изготовление и работа с таким тонким золотым листом (фактически с фольгой) является показателем того, каких высот достигло здесь ювелирное искусство. В процессе работы тонкий лист золота обжимался и вдавливался в орнамент. Таким образом достигалось совпадение узоров на золотой пластине с узорами самого серебряного изделия. При этом золото заполняло все углубления в серебре и благодаря этому на нем хорошо держалось.

С археологической точки зрения орнаменты на втулках копий представляют особый интерес и заслуживают отдельного

упоминания. Интересно, что узоры на всех трех втулках копий Бородинского клада значительно различаются, но содержат общие повторяющиеся элементы: треугольники, ромбы, меандры.

Самым сложным орнаментом, состоящим из трех зон, украшена втулка самого массивного копья. Верхняя полоса узора представляет собой двойные зигзаги с ромбами, расположенными по углам. По внутреннему краю ромбы окаймлены пунктиром, а по внешнему – бахромой из небольших насечек. Вторая полоса орнамента состоит из тех же ромбов, соединенных между собой зигзагом и обрамляющих еще одну линию треугольников. Третья полоса узора сплошь покрывает золотую пластинку на выпуклой части втулки. На ней идут две линии глубоких насечек, между которыми точками нанесена линия меандра. От ювелира требовалось большое мастерство, чтобы покрыть золотом еще и два ушка на втулке и нанести на них дополнительный узор. Кроме этих орнаментов копьё имеет тончайшую линию орнамента из мелких насечек вдоль всего лезвия копья.

Втулка второго копья украшена менее сложным и детализированным узором. Орнамент представляет собой чередующиеся треугольники. При этом треугольники рельефны, один из них инкрустирован золотом, второй – оставлен серебряным; это придает орнаменту дополнительную рельефность. Треугольники обрамлены древним ювелиром двумя рельефными золотыми полосами, что придает орнаменту изделия композиционную законченность.

Втулка третьего копья по центру украшена широкой золотой пластиной, сужающейся по направлению к заостренной части. На пластину нанесен узор в виде сильно закрученных спиралей, промежутки между ними заполнены треугольниками из точечных вдавлений. Над золотой полосой нанесена линия треугольников. Внутреннее пространство треугольников орнаментировано узором в виде меандра.

Отметим, что такие же копья, но сделанные главным образом из бронзы [7, с.37], известны в памятниках Поволжья, Приуралья, Северного Казахстана и Сибири. Они связываются с богатыми захоронениями в могильниках и датируются временем близким к середине II тысячелетия до н. э. По археологической классификации их относят к копьям сейминско-турбинского типа. В фондах Государственного Исторического музея есть копья из Турбинского могильника из бронзы и серебра. Некоторые из них имеют вильчатый стержень [2, с.60] и на втулках рельефный орнамент [2, с.63]. Но все они, даже серебряные, отделаны и орнаментированы значительно проще, чем копья из Бородинского клада. Причем такие детали узора, как заштрихованные

треугольники и ромбы, меандр, находят свои аналогии в различных культурах материковой Евразии, а вот узоры из спиралей и свастики – в культурах Эгейского мира, т.е. их орнаментация представляет собой сплав различных культурных влияний, творчески переработанных местными мастерами.

По технике изготовления к копьям близок и кинжал Бородинского клада. Он целиком отлит из серебра в одной литейной форме. Причем металл почему-то заливался в форму через отверстие, сделанное со стороны острия. После отливки поверхность клинка была прокована и отполирована, лезвие частично заточено, а на черенке пробиты три отверстия для заклепок, которыми к нему крепилась рукоять. Сама она не сохранилась, так как она могла быть костяной или деревянной. Но не исключено, что кинжал имел и металлическую рукоятку по типу рукояток кинжалов, найденных в царских захоронениях в гробницах древних Микен в Греции, тем более что форма микенских клинков и бородинского кинжала очень близка. Их близость заключается и в том, что с обеих сторон клинка они инкрустированы золотыми пластинами, расположенными у него по центру. При этом золотые накладки полностью повторяют форму клинка и покрыты чеканным орнаментом. Узор расположен на стыке золотой накладки и серебряной основы кинжала, причем его сделали специально для закрепления золотой пластины на клинке. Чрезвычайно интересны два трискелия – схематичных цветка, изображенных в центральной части клинка на обеих его сторонах. Завитки трискелей выполнены тем же штампом, что и орнамент вдоль золотой пластины. Изображения трискелей известны на бляхах, найденных в погребениях в микенских гробницах. Этот узор находит аналогии и в других памятниках Эгейского мира середины II тысячелетия до н. э.

Серебряная булавка Бородинского клада выполнена в той же технике литья и ювелирной технике инкрустации золотом, что и все серебряные предметы клада. Булавка имеет большую ромбовидную головку, заканчивающуюся округлой шляпкой. Щиток и головка отлиты отдельно от булавки и скреплены с ней небольшим штырем, а затем приклепаны. В шляпке сделано вертикальное отверстие. Булавка массивна: ее длина более 31 см и вес 173,5 г. Такими булавками скреплялись плащи, украшалась одежда. Шнурок, продетый в отверстие шляпки булавки, обматывал иглу и щиток булавки и закреплял ее в одежде. Однако ее массивность заставляет предполагать, что она, скорее всего, была парадным украшением. Это же подтверждает и богатый орнамент, выпол-

ненный с инкрустацией золотом и тонкой насечкой, который занимает обе стороны ромбического щитка булавки. Узор в виде лилий и спиралей сочетается с рядами треугольников. На одной стороне щитка в орнаменте преобладают треугольники над растительным узором, с другой – растительный орнамент занимает почти всю площадь щитка. По границам золотой платины идет узор из цепочки кружков, нанесенных штампом в виде трубочки.

Форма булавки в высшей степени оригинальна и полной аналогии не имеет. Зато схематическое изображение лилий (лотоса) и спиралей, занимающих центральное место в орнаментальном узоре булавки, очень похоже на такие же изображения на бляхах, найденных в микенских гробницах. Однако сочетание их с рядами треугольников явно указывает на восточные влияния.

Все три булавы Бородинского клада (собственно, не сами булавы, а их навершия, так как булава – это боеголовка, надетая на рукоять) сделаны из белого камня тальковой породы. Эта порода камня была хорошо известна в древности на Кавказе и Саянах. Две боеголовки почти шарообразные, немного приплюснуты. А вот третья куда более редкой и оригинальной формы и напоминает яйцо, на тулове которого выступают четыре полушарные отростка. Булава украшена рельефными валиками, окружающими отверстие для рукоятки.

Такие булавы довольно часто встречаются в погребениях воинов-колесничих абашевской культуры, срубных и алакульских племен [3, с.89] эпохи бронзы, живших на обширной территории Северного Причерноморья, Кавказа, Поволжья и Подонья, что, собственно говоря, давно уже является хрестоматийным фактом [3, с.88]. Во время раскопок их находят главным образом в богатых захоронениях курганных могильников, связывают с погребениями племенных вождей и родовых старшин [4]. Странным представляется тот факт, что в одном кладе оказалось сразу три таких навершия.

Считается, что самыми совершенными изделиями Бородинского клада являются четыре каменных сверленных топора, и это не случайно, поскольку и по своим формам, пропорциям и тщательности обработки они не имеют себе равных среди многих тысяч древних топоров, хранящихся в различных музеях страны, свидетельствующих об их крайне широком распространении. [5, с.37, с.49]

Три топора почти одинаковы. Их поверхность украшена четко выраженными продольными и поперечными ребрами, придающими им особое изящество. А вот четвертый, топор-секира, своими пропорциями, оригинальным изгибом лезвия, всей своей

формой, исполнением по-настоящему уникален. Дело в том, что такие топоры, сделанные из камня, до сих пор не известны, хотя его бронзовые аналоги встречаются среди топоров-секир северокавказской культуры [6], включая и наиболее близкий к нему топор из погребения в кургане у станицы Андрюковской на реке Кубани.

Два топора и топор-секира сделаны из темно-зеленого и пестрого нефрита, хотя этот камень и очень трудно обрабатывать, поскольку по твердости он уступает только алмазу. Между тем поверхность бородинских топоров отполирована до зеркального блеска, и следует признать, что сделать их такими, какими мы их видим, было очень и очень непросто. Считается, что обработка нефрита производилось в древности кварцитовым песком, тогда как в настоящее время его приходится обрабатывать алмазной пылью. Доставлен же этот нефрит на западные берега Черного моря мог быть только с далеких Саянских гор, где находится Оспинское месторождение нефрита такой породы. Из этого же камня изготовлены и два других топора.

Причем из Саян в Западное Причерноморье, по-видимому, поступал только сам камень, а изготавливались топоры уже на месте в одной мастерской, а может быть и одним мастером. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что первые три топора, имеющие одинаковую форму, в Сибири аналогов не имеют, хотя их отдельные похожие экземпляры известны в Поволжье и Приазовье, т.е., очевидно, что в то время уже существовал своего рода «Великий нефритовый путь», по которому с расстояния более чем в 5000 км нефрит из Восточной Сибири привозили в Европу [1, с.19]. При этом, вероятно, такие изделия ценились очень высоко, используясь скорее как украшение. Это подтверждает и тот факт, что и серебряные копья, и кинжал из Бородинского клада заточены только один раз и то не по всему лезвию, что означает, что по своему прямому назначению они вряд ли использовались. С определенной долей уверенности можно говорить о том, что в них ценился и сам редкий металл – серебро с золотом, привозной нефрит, поскольку со всеми целыми изделиями были спрятаны и серебряная втулка сломанного копья, и даже обломки топора.

Это убеждает нас в том, что Бородинский клад должен был принадлежать богатому человеку, скорее всего могущественному родовому вождю и крупному военачальнику, о чем свидетельствуют и три булавы, которые в древности являлись неприменными символами верховной власти и четыре изящных топора из

нефрита. Как и копья, топоры тоже не имеют следов прямого использования. Возможно, что они служили навершиями неких жезлов, и такими же символами власти, что и три булавы.

Можно резюмировать, что все эти изделия (серебряные копья, кинжал, булавка) по своим стилистическим характеристикам представляют собой синтез далеких восточных и юго-западных влияний очень широкого географического диапазона, что подтверждает очень тесный уровень межкультурных контактов. Предметы эти имеют аналоги в культурах Восточной Европы, Сибири, и Эгейского мира. Причем мы можем утверждать, что эти контакты не ограничивались только торгово-экономическими видами, но проникали в более глубокие слои культуры. Ремесло кузнеца и ювелира в древности сакрализировалось, поэтому передача технологических секретов не могла проходить только на поверхностном уровне, требовался длительный период ученичества и погружения, что усиливало интеграцию культур. То же можно отметить касаясь орнаментов и узоров, представляющих собой интериоризованные в декоративно-прикладное искусство ментальные символы, заимствование и использование которых тоже говорит о наличии глубоких межкультурных контактов. Выражаясь более прагматично, очевидно, что существовала не только развитая межплеменная торговля готовыми изделиями и сырьем для изготовления местных образцов, но также и налаженный обмен технологиями, т.е. информационный обмен, поскольку сложные технологические приемы обработки листового золота и того же нефрита встречаются довольно часто. Кстати, знаменитый бронзовый нож из Второго Турбинского могильника с фигурками трех горных баранов на рукоятке [2, с. 115,122] тоже не мог быть сделан за Уралом, а был изготовлен скорее всего где-то далеко на Востоке, в Алтайских горах [2, с.123]. Очевидно, обмен изделиями из камня и металла в бронзовом веке на территории Евразии осуществлялся настолько широко, что сегодня его можно даже назвать «протоглобализацией».

Библиографический список

1. Бадер, О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы / О.Н. Бадер. - М.: Наука, 1970.- 180с.
2. Бадер, О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья / О.Н. Бадер.- М.: Наука, 1964.-176 с.
3. Волков, В.А. Колесницы и колесничие в бронзовом веке степной и лесостепной Евразии // Материалы XXXVI Урало-Поволжской

археологической студенческой конференции. - Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского – 2004 с.87-89

4. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии: коллектив. моногр. - Екатеринбург – Самара – Донецк: Рифей. - 2010.- 370с.

5. Нечитайло, А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке/А.Л. Нечитайло. - Киев: Наукова думка, 1978. - 152с.

6. Попова, Т.Б. Бородинский клад/Т.Б. Попова. - М.: Государственный Исторический Музей, 1981. - 20с.

7. Черных, Е.Н. Металл – человек – время/Е. Н. Черных.- М.: Наука, 1972.- 298с.

8. Э.фон Штерн. Бессарабская находка древностей 1912 г./Штерн Э.фон// Материалы по археологии России.- СПб., 1914.- Вып.34.

9. Fild N. *Bronze Age War Chariots*. Oxford: Osprey (New Vanguard series №119), 2006.- 48с.

Referenses

1. Bader O.N. *Bassein Oki v epokhu bronzy* [The basin of Oka during a bronze era] Moscow, Nauka Publ, 1970, 180p.

2. Bader O.N. *Drevneishie metallurgi Priural'ia* [The most ancient metallurgists of Urals region] Moscow, Nauka Publ., 1964,176p.

3. Volkov V.A. *Kolesnitsy i kolesnichie v bronzovom veke stepnoi i lesostepnoi Evrazii* [Chariots and equestrian in a bronze age of steppe and forest-steppe Eurasia] *Materialy XXXVI Uralo-Povolzhskoi arkheologicheskoi studencheskoi konferentsii*. -Penza: PGPU im. V.G.Belinskogo - Materials XXXVI of Uralo-Povolzhsky archaeological student's conference. - to Penza: PSPU of V. G. Belinsky,2004 pp. 87-89

4. *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepei Evrazii: kollektiv. monogr* [Horses, chariots and kolesnichy steppes of Eurasia: collective monograph] Yekaterinburg – Samara – Donetsk: Rifei Publ., 2010, 370p.

5. Nechitailo A.L. *Verkhnee Prikuban'e v bronzovom veke*[High Prikubanye in a bronze age] Kiev, Naukova dumka Publ., 1978,152p.

6. Popova T.B. *Borodinskii klad* [The Borodino treasure] Moscow, Gosudarst-vennyi Istoricheskii Muzei, 1981, 20p.

7. Chernykh E.N. *Metall – chelovek – vremia* [Metal - The person - Time] Moscow, Nauka Publ., 1972, 298p.

8. E.fon Shtern. *Bessarabskaia nakhodka drevnostei 1912 g.* [Bessarabia find of antiquities in 1912 year] *Materialy po arkheologii Rossii*. Saint Petersburg, 1914, no.34.

9. Fild N. *Bronze Age War Chariots*. Oxford: Osprey (New Vanguard series №119), 2006.- 48с..

Информация об авторе

Шпаковский Вячеслав Олегович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра коммуникационного менеджмента, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Россия, e-mail: slavashpakl@mail.ru.

Author

Shpakovsky Vyacheslav Olegovich – Candidate of historical sciences, associate professor, department of Communication Management, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, Russia, e-mail: slavashpakl@mail.ru.